ЕВГЕНИЯ
АЛЕКСАНДРОВА

ЗАВТРА Я СТАНУ БУРЕЙ

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Иллюстрация на переплете *tatkatmur*

Александрова, Евгения Александровна.

А46 Завтра я стану бурей / Евгения Александрова. — Москва : Эксмо, 2026. — 576 с.

ISBN 978-5-04-244412-8

«Я целитель, а не воин».

Бьёрн де Ларс считал, что давно всё решил: он служит Императору, спасает жизни и выполняет приказы. Но Империи больше не нужны ученики — ей нужны солдаты. Поэтому обучение Кейсары, его новой ученицы, заканчивают раньше срока: она приносит присягу и вместе с ним отправляется на первое настоящее задание.

Бьёрн должен научить её владеть огнём и держать расстояние, которого требует Кодекс. Но эту границу они уже нарушили.

Ивварская Империя на грани войны. Последователи нового бога поднимают знамёна, а магов хотят стереть с лица земли. Безумен ли Император — или только он ещё удерживает Иввар от хаоса?

Бьёрну приказано найти человека, которого боится сам Император, и привести его живым. Он выполнит приказ. Но сначала — спасёт Кейсару. А дальше — пусть начинается буря.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-244412-8

© Александрова Е., текст, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1

В которой я вижу будущее

Я считала ступени.

Не то чтобы это имело смысл, но иначе пришлось бы считать удары сердца. Слишком громкие, такие оглушительно резкие. Раз-два-три... двадцать шесть, двадцать семь.

За этими дверями наверху лестницы — император Иввара.

Маг, перекроивший карту мира железной волей и объединивший королевства под своим знаменем. Для одних он был безумным тираном, для других — единственной надеждой и живым символом власти, верховной, божественной и абсолютной.

И теперь этот человек вызвал на личный разговор... меня.

Кейсару ди Мори. Дочь богатых землевладельцев с далёких Корсакийских островов, которую в Академии за глаза звали «принцессой Юга». В это прозвище вкладывали всё: насмешку над моей избалованностью, за нелепую, по их мнению, гордость.

Но я не поддамся слабости на испытаниях, в которые швыряют меня боги. Что ж, сейчас самое время побыть принцессой: выпрямить спину и не позволить дрожи, бившей по телу после Игры, и бесконечных часов в темнице, добраться до колен.

Ноги казались ватными, руки мелко подрагивали, а в животе ныло от пустоты — я не помнила, когда

ела в последний раз. Во рту пересохло так, что язык казался наждачной бумагой. Перед тем как выйти к Храму, я судорожно, до боли в пальцах, переплела волосы. Теперь тяжёлая коса весом лежала на спине — моя единственная и жалкая попытка вернуть себе аккуратный вид, частицу прежнего достоинства.

Меня провели дальше внутрь храма по гулким коридорам из белого камня.

Я годами бежала от тени императора. Скрывала за маской покорности свой гнев, свой страх перед его властью, нежелание служить в его армии — той неумолимой силе, что шла беспрестанно вперёд, завоёвывая земли, стирая границы, подавляя любое сопротивление.

Больше всего на свете я боялась оказаться с ним лицом к лицу. И именно это должно было произойти.

Сейчас.

Он прочитает правду в моём сердце и прикажет вновь бросить в темницу, а то и убьёт на месте одним поворотом ладони. И никакая моя стихийная магия и сила огня не остановит того, кто говорит с богами.

Гвардеец с бритым затылком и цепким взглядом небольших глаз быстро окинул меня взглядом, кивнул и отступил в сторону. Тяжёлые двери Зала Четырёх разошлись с глухим, коротким стоном.

— Кейсара ди Мори, — произнёс он и улыбнулся, — Император ждёт.

В зале было прохладно. Сиркх стоял у огромного окна спиной ко мне. Его голос, глубокий и ровный, разрезал тишину:

— Подойди, не бойся. — Усмешка послышалась в его словах.

Он обернулся. Медленно, будто не было спешки, будто всё происходящее — просто одна из вариаций будущего, которую он уже видел.

Император оказался выше, чем я представляла. Возможно, дело в том, что теперь нас разделяло не поле для Ойренахты, а лишь пара шагов под сводами храма Четырёх богов.

Черты его лица были такими крупными и точными. Скулы, линия рта, тяжёлый прямой нос — всё это казалось слишком живым для каменной неподвижности стихии земли, которой он принадлежал. Но глаза... Глаза — небесно-голубые, ясные, излучающие свет, и всё же наполненные чем-то... необратимым. В них не было ни злобы, ни ласки, ни безумия — только бездонное понимание, равнодушное и страшное.

Как у скал, смотрящих на утопающего.

И когда он взглянул на меня — я вдруг поняла, что всё это время не боялась его как человека. До смерти я боялась узнать в нём что-то слишком близкое, то, во что сама могла бы превратиться, если пойду дальше в познании своей стихийной магии — тоже могу перестать быть... человечной.

Горло пересохло. Мышцы под рёбрами сжались. Внешне я замерла, выпрямив спину, но глубоко внутри уже рухнула на колени от осознания: передо мной Сиркх. Человек, способный раздавить меня словом или мимолётным движением пальцев.

Но почему-то не делал ни того ни другого.

— Ты смотришь, как будто ждёшь приговора, — негромко отметил он. — Но я ведь не для этого хотел с тобой поговорить.

И улыбнулся.

Совсем чуть-чуть, только уголками губ. Улыбкой, от которой кровь у меня уходила из пальцев.

— Ваше величество, — отозвалась я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. Я вложила в эти слова всю гордость и достоинство, которые мне прививали с детства.

— Пей. И выдыхай.

Он кивнул на простую деревянную кружку, стоявшую на выступе у алтаря Скадо. Чтобы добраться до неё, мне пришлось пересечь зал. Из высоких, узких окон под самым сводом падали косые столбы солнечного света. Стоило солнцу коснуться моих плеч, как по телу прошла дрожь узнавания. Моя южная сила, рождённая под палящим небом Корсакийских островов, встрепенулась в ответ на этот свет, возвращая мне частицу утраченной уверенности.

Я остановилась у алтаря и сделала несколько глотков. Холодная, прозрачная, почти безвкусная — эта вода казалась самым реальным, что случалось со мной за последние дни.

После Игры, на которой меня едва не убили, после темницы, в которой за мной пришли заговорщики, после суда, на котором я предстала перед всеми дарханами Сеттеръянга, несправедливо обвиняемая в убийстве... Я почти не успела перевести дух. И кто бы подумал, что я смогу сделать это в присутствии опаснейшего врага!

— Ты непростая девушка, Кейсара, — задумчиво начал Сиркх, наблюдая за мной, и мне потребовалась вся выдержка, чтобы сделать ещё глоток и сдержать свои чувства. — С каждым годом всё меньше тех, кто способен прикасаться к стихийной неживой силе, лежащей в основе нашего мира. — Он помолчал и веско обронил: — Боги уходят из нашего мира.

На этих словах я вздрогнула, нахмурилась и повернулась к императору.

— Это... правда?

— Мир изменчив, Кейсара. — Сиркх едва заметно пожал плечами. — Одно перетекает в другое, непрерывно разрывая старые связи, чтобы породить новые. Всё, что нас окружает, — лишь искры единого Веч-

ного. Движение есть везде, даже в том, что кажется мёртвым. В беге облаков, в медленном сползании ледников, в том, как ураган крошит скалы. И этот основной для всей природы закон движения стирает границу между живым и мёртвым. — Холод пробежал по моей коже. — Покоя нет и в смерти.

— Да. Я много узнала о границах здесь, в Сеттеръянге. — Я медленно кивнула. — Но никогда не думала о смерти... так. — Снова встретившись глазами с императором, я всё же выдержала его взгляд.

— Даже камни имеют своё дыхание, частицу изначального Духа. И через это — через способность стать чем-то большим, чем мы есть, — мы соприкасаемся с Истоком.

— Вы хотите сказать, что те... мы, кто чувствует стихию и становится её частью... мы ближе всего к богам?

Император улыбнулся.

— Разве ты сама этого не чувствуешь?

Я сглотнула, пытаясь за мгновение окинуть взглядом всю свою жизнь — и ту, что была до Академии, и нынешнюю, — чтобы найти в ней подтверждение его словам. Но мысли путались. Взгляд императора проникал слишком глубоко, и дрожь в руках усилилась.

Какой безумец не попытается убедить тебя, что его правда — единственная?

— Иногда я сомневаюсь в своих чувствах, ваше величество.

Он кивнул — едва заметно, словно это признание было частью его долгого плана.

— Ты — не молодая душа, Кейсара. Но память прошлых жизней часто пугает. Мы сами возводим границы внутри себя, оберегая разум от потрясений, к которым не готовы. Ты должна это знать. Прежде чем тебя попытаются утянуть во тьму.

— Мой император... — Я произнесла это на одном дыхании, хотя ещё недавно клялась, что предпочла бы видеть его мёртвым. — Я знаю тех, кто встал на сторону заговорщиков, и я не...

— Знаю.

В зале воцарилась тишина такая абсолютная, какой не бывает даже в глубокой медитации. Я кожей чувствовала, как его взор проходит сквозь плоть — в самую суть, к самому сердцу. Меня накрыло ледяным туманом, растворяющим границы мира.

И вдруг где-то под рёбрами вспыхнул яростный жар — магический отклик, будто Сиркх коснулся невидимых струн моей души.

Я мысленно попятилась, — но было поздно. Он уже слышал мой извечный страх. Видел, как я вспоминаю о брате. Знал, что я виню его, Императора, в кровавом правлении и боли тысяч простых людей.

Он слышал всё — и не осуждал. Это равнодушие бога было страшнее любого гнева.

— Что будет с ними? — Мой голос предательски дрогнул, но я заставила себя закончить вопрос: — С теми, кого обвинят в заговоре против короны?

— Зависит от того, насколько глубоко они погрузились во тьму, — ответил Сиркх и сделал глубокий, полный веса вдох, и в светлых глазах проступило что-то человеческое. — Не все, кто ступил за грань, способны вернуться. Но некоторые заслуживают, чтобы им дали шанс.

Чуть резко, с поспешностью я кивнула — боясь, что эти «некоторые» вдруг могут в следующую секунду исчезнуть из его слов. Пальцы крепко сжались на кружке, как на последнем якоре, и мне понадобилась вся воля, чтобы поставить её на место.

Опустить руки. Соединить ладони в спокойном, выученном жесте.

Я выпрямилась ещё больше, чувствуя, как тяжёлая коса скользит по спине.

Моё одеяние — широкие тёмные штаны, туго затянутый пояс, простая рубаха на запáх — ни капли не походило на наряд, в котором благородная дочь Корсакийских островов должна предстать перед императором. Ни струящегося шёлка, ни родового жемчуга, ни даже строгой закрытости платья с высоким воротом. Я выглядела как беглая ученица, как преступница, но не как леди. Интересно, был ли хоть раз, когда Тавиан стоял на моём месте, замирая в ряду Соколов Сиркха?

— Расскажи мне о том, о ком ты боишься говорить. — Император с улыбкой развернул ладонь, предлагая мне продолжать быть откровенной.

И в этой мягкости крылось больше сокрушительной власти, чем в любой угрозе. Легче было бы ненавидеть бездушного монстра, лишённого всего человеческого.

А он, оказалось, умел улыбаться — легко и с каким-то дружелюбным вниманием и состраданием. Умел смотреть не сверху, не сквозь, а глубоко под кожу, будто уже знал, что я скажу. Но всё равно предпочёл бы услышать это от меня.

Вот такой, живой, способный чувствовать, понимать, даже... сочувствовать — император Ивварской империи окончательно сбивал с толку. Он стал смертельно опасен, именно потому что перестал казаться чужим.

— Я не знаю, кто это, — медленно покачала я головой. — Но его слушают и за ним идут. Это мужчина... у него короткая, но густая борода, светлые глаза, очень холодные, словно из потустороннего мира. — Я сбилась, вспоминая этот взгляд. — У него в глазах... Он выглядел как человек, который слишком долго смотрел в бездну.

Сиркх не шевелился, лицо его было непроницаемым, но взгляд стал ещё острее, словно лезвие, подведённое к горлу, не касаясь кожи.

— Говори дальше, — сказал он спокойно.

— Мне больше нечего рассказать. — Я незаметно сжала пальцами свободную ткань на бёдрах. — Они нашли меня, когда я была в темнице, боюсь, я не смогу отыскать проход. Не знаю, как у них это получилось, но под городом явно много тайных ходов. После я видела его на суде — и потом он исчез.

Сиркх на мгновение отвернулся. Сверкнула в полосе света серьга с камнем — и тень проскользнула по его лицу, впервые подчёркивая складки у губ, вертикальную морщину на лбу: всё, что выдавало, что императору не тридцать лет, а гораздо, гораздо больше, хоть он и дышит силой и мощью. И хоть тонкие шрамы были видны на скуле, он казался неубиваемым...

Был ли смысл скрывать правду? Сиркх всё равно прочтёт её в моей душе, если захочет.

— Я видела рядом с ним нашего учителя. Дархана Иллиана ди Вара. — Мой шёпот прозвучал бесцветно и надтреснуто. Перед глазами всплыло его лицо в тот момент, когда он выносил мне смертный приговор. — Равенса. Аишу из моей команды... Остальных не помню. Было слишком темно. И страшно.

— Мы найдём их всех, — тихо и убийственно произнёс Сиркх.

Будто даже с лёгким сожалением, что придётся потерять столько одарённых — и из-за такой глупости: подумали спорить с самим божеством, воплощённым на земле!

— Ваше величество, — решилась я неожиданно самой для себя, но слова полились сами. — Там была ещё одна. Девушка. Мэй. Она... Она тоже была среди них, но она не...

Я замолчала слишком резко. Поняла, что именно сказала, только когда уже было поздно.

— Мэй, — повторил Император задумчиво и повернулся в сторону окна.

Имя повисло в воздухе как приговор.

— Она... — Я сделала чуть заметный шаг вперёд. — Она не хотела быть там, я уверена! На суде... она голосовала за помилование и не подчинилась приказу страшного человека сделать всё, чтобы меня казнили. Они хотели моей смерти, чтобы доказать свою власть! И когда они... когда остальные голосовали против меня на суде, показывая свою силу, она промолчала. Боялась, но не участвовала. Не убивайте её, — прошептала я. — Прошу.

Он молчал ещё мгновение, слишком долгое, а потом сказал, обернувшись и приподняв брови:

— Интересно, Кейсара ди Мори, кого ты кинешься защищать, когда на чаше весов окажется твоя собственная жизнь? Ты не умеешь быть равнодушной. Это делает тебя опасной... и очень нужной мне.

— Ваше величество, я...

Император легко и без нажима перебил меня, продолжив говорить:

— Твой брат служил мне. Твой отец служит мне, пусть и на свой лад. Даже те, кто когда-то мечтал меня убить, кто заносил кинжал за моей спиной — даже они в итоге осознали, на чьей стороне истина.

Он говорил об Айдан де Марит, своей бывшей ученице. Неужели близость к нему настолько меняет людей? Неужели они добровольно отрекаются от прежних истин ради слепого, абсолютного доверия к нему?

Я едва не усмехнулась сама себе.

Ведь прямо сейчас со мной происходило то же самое. Стоило увидеть его лицом к лицу, и я пала, раздавленная его величием. Казалось, он держит нас всех

не только магической мощью или угрозой смерти — он просто знает о нас всё. Его взор проникает так глубоко, что от него, как от Великого Духа, бессмысленно что-либо скрывать.

Всё земное: мой голод, дрожь в коленях, страх за Мэй — вдруг показалось мелкой, пустой суетой. Временным шумом. Словно только доверившись Сиркху, можно было шагнуть выше — по незримой лестнице, оставляя позади сомнения.

Император подошёл ближе. Так близко, что я снова почувствовала жар своей силы, будто что-то внутри меня отвечало на его присутствие. Сиркх пах властью и дымом — от великого пожара, который сам поджёг двадцать лет назад.

Между нами оставалось меньше ладони.

— Сражение, в котором нам всем предстоит выстоять, не только военное, — заговорил Сиркх, приподняв голову и на миг прикрыв глаза. А потом снова посмотрел на меня. — Хочешь это увидеть?

На миг мне показалось, что мы общаемся с ним вдвоём как равные. Ещё недавно он был для многих — да и для меня — небожителем, а тут вдруг обращается как с той, кто может понять его чувства и мысли.

Я нерешительно кивнула.

И когда его ладонь, холодная и сухая, легла на мой висок, мир вокруг растворился. Всё привычное: запах ладана, тяжесть белого камня под ногами, изматывающая дрожь в пальцах — всё потускнело и отошло на задний план. Проявилась только смутная, но неумолимая картина.

Сотни людей. Тысячи. В одинаковых серых одеждах, они казались частями одной гигантской тени, упавшей на израненную землю. Их лица были бледны и ожесточённы, а в глазах полыхала фанатичная, кристально чистая ненависть.

Над ними колыхалось знамя. Покровитель: я догадалась по смутным ощущениям, поскольку различить рисунок в видении было невозможно. Их было много, они двигались, сметая всё на своём пути, и на каждом запястье, точно оковы, змеились татуировки-цепи.

Они шли — тяжело, медленно, неумолимо, как река, вышедшая из берегов, нет ни смысла сопротивляться, ни времени убежать: их было много, слишком много, и все неуязвимы перед даром Четырёх богов.

И снова волна боли... Вспыхнуло пламя, воздух наполнился криками, и сквозь гул я ясно расслышала энарийскую речь.

Кто-то сжимал меч, кто-то шёл с голыми руками, вцепившись в древко знамени. Но все несли одно — готовность за своего нового бога, за Покровителя, который должен защитить их всех от магов, пролить новую кровь. Всю. Любую. Свою, чужую. Мою.

Глава 2

В которой свершается то, чего я так боялась... и хотела

Я резко вернулась в собственное тело, словно меня вытолкнуло из ледяной глубины на поверхность. Воздух обжёг лёгкие. Передо мной снова был зал, залитый мягким светом, запах ладана и неподвижная фигура императора. Всё вокруг вдруг показалось... таким крошечным, совсем незначительным.

Кружилась голова. Нащупав мысленно свои границы, я утвердилась в том, что стою на полу и чувствую его опору.

— Вы... знаете будущее, ваше величество?

Пульсирующее послевкусие видения всё ещё отдавалось в висках.

— Только то, что касается меня напрямую. Иногда я получаю ответы — если нахожу в себе силы задать правильные вопросы. Но... — Он хмыкнул, внезапно сощурившись совсем по-простому, словно обычный, бесконечно уставший человек. — Это не всегда просто. Боги говорят со мной, когда я к этому готов.

— Почему я нужна вам? — давно застрявшие в горле слова наконец сорвались. — Почему... я?

Сиркх заложил руки за спину и задумчиво смерил меня взглядом. В его глазах не было ни жалости, ни тепла — только это пронзающее, ледяное понимание.

Бедная Арнеина — его жена! Сложно было представить, каково это — жить с человеком, который куда больше, чем простой смертный... Когда-то я слышала, что его называли «куском скалы» — такой же непоколебимый. Слишком много знает, чувствует и видит то, что недоступно другим.

На мгновение я испытала к императрице сочувствие, но тут же отбросила мысль. Должно быть, у неё правда величайшая сила — раз она сумела выносить присутствие императора все эти двадцать лет.

— Скажем так. Я доверяю своей интуиции, кирия ди Мори... и вижу за пределами этого мира. Ты неспроста оказалась в Сеттеръянге и привлекла моё внимание. Значит, так суждено.

«А ещё мне нужна твоя семья. Ваше золото, ваши земли и все ресурсы, которые я получу через тебя», — разве не это он должен был произнести?

Он так не сказал, но я чувствовала, что это есть в его мыслях — Сиркх не скрывает, что я и моя семья всего лишь инструмент, средство для достижения целей во имя Четырёх богов. А я... я стояла перед ним, понимая, что в какой-то момент, возможно, буду вынуждена с этим смириться.

Сиркх отступил в сторону, и в зал, словно по его мысленному сигналу, вошли ещё люди. Это был настоятель монастыря и всей нашей академии — Эльханан де Маггид, и за ним — Бьёрн.

Бьёрн здесь! Волна радости и боли прокатилась по телу, такая контрастная после разговора с императором. Я не сдержала улыбку.

О да, Бьёрн де Ларс собственной персоной. Северянин, зануда со светлыми косицами, собранными в хвост, и серебряными серьгами в ушах, наставник и целитель!

Тот, кто дважды бросал меня в пропасть бурных эмоций, целуя и отдаляясь. Тот, кто прошептал